

Всероссийская олимпиада школьников по литературе.

2018-2019 уч. год

Муниципальный этап.

10 класс.

Время проведения тура – 3 часа 55 минут.

ЗАДАНИЕ 1. Выполните ОДНО из предложенных заданий.

1.1. Дайте целостный анализ рассказа Кира Булычева «Можно попросить Нину?» В процессе анализа ответьте на вопрос: почему автор использует приемы фантастики в рассказе? Рекомендуемый объем – 400-450 слов. Максимальный балл – 70.

- Можно попросить Нину? - сказал я.
- Это я, Нина.
- Да? Почему у тебя такой странный голос?
- Странный голос?
- Не твой. Тонкий. Ты огорчена чем-нибудь?
- Не знаю.
- Может быть, мне не стоило звонить?
- А кто говорит?
- С каких пор ты перестала меня узнавать?
- Кого узнавать?

Голос был моложе Нины лет на двадцать. А на самом деле Нинин голос лишь лет на пять моложе хозяйки. Если человека не знаешь, по голосу его возраст угадать трудно. Голоса часто старятся раньше владельцев. Или долго остаются молодыми.

- Ну ладно, - сказал я. - Послушай, я звоню тебе почти по делу.
- Наверно, вы все-таки ошиблись номером, - сказала Нина. - Я вас не знаю.
- Это я, Вадим, Вадик, Вадим Николаевич! Что с тобой?

- Ну вот! - Нина вздохнула, будто ей жаль было прекращать разговор. - Я не знаю никакого Вадика и Вадима Николаевича.

- Простите, - сказал я и повесил трубку.

Я не сразу набрал номер снова. Конечно, я просто не туда попал. Мои пальцы не хотели звонить Нине. И набрали не тот номер. А почему они не хотели?

Какое у меня может быть дело к Нине? Или почти дело? Никакого. Просто хотелось узнать, дома ли она. А если ее нет дома, это ничего не меняет. Она может быть, например, у мамы. Или в театре, потому что на тысячу лет не была в театре.

Я позвонил Нине.

- Нина? - сказал я.

- Нет, Вадим Николаевич, - ответила Нина. - Вы опять ошиблись. Вы какой номер набираете?

- 149-40-89.

- А у меня Арбат - один - тридцать два - пять три.

- Конечно, - сказал я. - Арбат - это четыре?

- Арбат - это Г.

- Ничего общего, - сказал я. - Извините, Нина.

- Пожалуйста, - сказала Нина. - Я все равно не занята.

- Постараюсь к вам больше не попадать, - сказал я. - Где-то заклиналось, вот и попадаю к вам. Очень плохо телефон работает.

- Да, - согласилась Нина.

Я повесил трубку.

Надо подождать. Или набрать сотню. Время. Что-то замкнется в перепутавшихся линиях на станции. И я дозвонюсь. «Двадцать два часа ровно», - сказала женщина по телефону «сто». Я вдруг подумал, что если ее голос записали давно, десять лет назад, то она набирает номер «сто», когда ей скучно, когда она одна дома, и слушает свой голос, свой молодой голос. А может быть, она умерла. И тогда ее сын или человек, который ее любил, набирает сотню и слушает ее голос.

Я позвонил Нине.

- Я вас слушаю, - сказала Нина молодым голосом. - Это опять вы, Вадим Николаевич?

- Да, - сказал я. - Видно, наши телефоны соединились намертво. Вы только не сердитесь, не думайте, что я шучу. Я очень тщательно набирал номер, который мне нужен.

- Конечно, конечно, - быстро сказала Нина. - Я ни на минутку не подумала. А вы очень спешите, Вадим Николаевич?

- Нет, - сказал я.

- У вас важное дело к Нине?

- Нет, я просто хотел узнать, дома ли она.

- Соскучились?

- Как вам сказать...

- Я понимаю, ревнуете, - сказала Нина.

- Вы смешной человек, - сказал я. - Сколько вам лет, Нина?

- Восемнадцать. А вам?

- Больше сорока. Между нами толстенная стена из кирпичей.

- И каждый кирпич - это месяц, правда?

- Даже один день может быть кирпичом.

- Да, - вздохнула Нина, - тогда это очень толстая стена. А о чем вы думаете сейчас?

- Трудно ответить. В данную минуту ни о чем. Я же разговариваю с вами.

- А если бы вам было 19 или даже 20, мы могли бы познакомиться, - сказала Нина. - Это было бы очень смешно. Я бы сказала: приезжайте завтра вечером к памятнику Пушкину. Я вас буду ждать в семь часов ровно. И мы бы друг друга не узнали. Вы где встречаетесь с Ниной?

- Как когда.

- И у Пушкина?

- Не совсем. Мы как-то встречались у «России».

- Где?

- У кинотеатра «Россия».

- Не знаю.

- Ну, на Пушкинской.

- Все равно почему-то не знаю. Вы, наверное, шутите. Я хорошо знаю Пушкинскую площадь.

- Неважно, - сказал я.

- Почему?

- Это давно было.

- До свидания. И больше не звоните своей Нине. А то опять ко мне попадете. И разбудите.

Я повесил трубку. Потом включил телевизор и узнал о том, что луноход прошел за смену 337 метров. Луноход занимался делом, а я бездельничал. В последний раз я решил позвонить Нине уже часов в одиннадцать, целый час занимал себя пустяками.

- Я так и знала, что вы еще раз позвоните, - сказала Нина, подойдя к телефону. - Только не вешайте трубку. Мне, честное слово, очень скучно. И читать нечего. И спать еще рано.

- Ладно, - сказал я. - Давайте разговаривать. А почему вы так поздно не спите?

- Сейчас только восемь, - сказала Нина.

- У вас часы отстают, - сказал я. - Уже двенадцатый час.

Нина засмеялась. Смех у нее был хороший, мягкий.

- Вам так хочется от меня отделаться, что просто ужас, - сказала она. - Сейчас октябрь, и потому стемнело. И вам кажется, что уже ночь.

- Теперь ваша очередь шутить? - спросил я.

- Нет, я не шучу. У вас не только часы врут, но и календарь врет.

- Почему врет?

- А вы сейчас мне скажете, что у вас вовсе не октябрь, а февраль.

- Нет, декабрь, - сказал я. И почему то, будто сам себе не поверил, посмотрел на газету, лежавшую рядом, на диване. «Двадцать третье декабря», - было написано под заголовком.

Мы помолчали немного, я надеялся, что она сейчас скажет «до свидания». Но она вдруг спросила:

- А вы ужинали?

- Не помню, - сказал я искренне.

- Значит, не голодный.

- Нет, не голодный.

- А я голодная.

- А что, дома есть нечего?

- Нечего! - сказала Нина. - Хоть шаром покати. Смешно, да?

- Даже не знаю, как вам помочь, - сказал я. - И денег нет?

- Есть, но совсем немножко. И все уже закрыто. А потом, что купишь?

- Да, - согласился я. - Все закрыто. Хотите, я пошурю в холодильнике, посмотрю, что там есть?

- У вас есть холодильник?

- Старый, - сказал я. - «Север». Знаете такой?

- Нет, - сказала Нина. - А если найдете, что потом?

- Потом? Я схвачу такси и подвезу вам. А вы спуститесь к подъезду и возьмете.

- А вы далеко живете? Я - на Сивцевом Вражке. Дом 15/25.

- А я на Мосфильмовской. У Ленинских гор. За университетом.

- Опять не знаю. Только это неважно. Вы хорошо придумали, и спасибо вам за это. А что у вас есть в холодильнике? Я просто так спрашиваю, не думайте.

- Если бы я помнил, - сказал я. - Сейчас перенесу телефон на кухню, и мы с вами посмотрим. Я прошел на кухню, и провод тянулся за мной, как змея.

- И так, - сказал я, - открываем холодильник.

- А вы можете телефон носить за собой? Никогда не слышала о таком.

- Конечно, могу. А ваш телефон где стоит?

- В коридоре. Он висит на стенке. И что у вас в холодильнике?

- Значит, так... что тут, в пакете? Это яйца, неинтересно.

- Яйца?

- Ага. Куриные. Вот, хотите, принесу курицу? Нет, она французская, мороженная. Пока вы ее сварите, совсем проголодаетесь. И мама придет с работы. Лучше мы вам возьмем колбасы. Или нет, нашел марокканские сардины, шестьдесят копеек банка. И к ним есть полбанки майонеза. Вы слышите?

- Да, - сказала Нина совсем тихо. - Зачем вы так шутите? Я сначала хотела засмеяться, а потом мне стало грустно. А что у вас из окна видно?

- Из окна? Дома, копировальная фабрика. Как раз сейчас, полдвенадцатого, смена кончается. И много девушек выходит из проходной. И еще виден «Мосфильм». И пожарная команда. И железная дорога. Вот по ней сейчас идет электричка.

- И вы все видите?

- Электричка, правда, далеко идет. Только видна цепочка огоньков, окон!

- Вот вы и врете!

- Я не могу врать. Я могу ошибаться. Так в чем же я ошибся?

- Вы ошиблись в том, что видите электричку. Ее нельзя увидеть.

- Что же она, невидимая, что ли?

- Нет, видимая, только окна светиться не могут. Да вы вообще из окна не выглядывали.

- Почему? Я стою перед самым окном.

- А у вас в кухне свет горит?

- Конечно, а так как же я в темноте в холодильник бы лазил? У меня в нем перегорела лампочка.

- Вот, видите, я вас уже в третий раз поймала. Если вы смотрите в окно, то откинули затемнение. А если откинули затемнение, то потушили свет. Правильно?

- Неправильно. Зачем же мне затемнение? Война, что ли?

- Ой-ой-ой! Как же можно так завираться? А что же, мир, что ли?

- Ну, я понимаю, Вьетнам, Ближний Восток... Я не об этом.

- И я не об этом... Постойте, а вы инвалид?

- К счастью, все у меня на месте.

- У вас бронь?

- Какая бронь?

- А почему вы тогда не на фронте?

Вот тут я в первый раз только заподозрил неладное.

- На каком я должен быть фронте, Нина?

- На самом обыкновенном. Где все. Где папа. На фронте с немцами. Я серьезно говорю, я не шучу. А то вы так странно разговариваете. Может быть, вы не врете о курице и яйцах?

- Не вру, - сказал я. - И никакого фронта нет. Может быть, и в самом деле мне подъехать к вам?

- Так и я в самом деле не шучу! - почти крикнула Нина. - А вы перестаньте. Мне сначала было интересно и весело. А теперь стало как-то не так. Вы меня простите. Как будто вы не притворяетесь, а говорите правду. Мне даже страшно стало. У нас печка почти не греет. Дров мало. И темно. Только коптилка. Сегодня электричества нет. И мне одной сидеть ой как не хочется. Я все теплые вещи на себя накутала.

И тут же она резко и как-то сердито повторила вопрос:

- Вы почему не на фронте?

- На каком я могу быть фронте? - Уже и в самом деле шутки зашли куда-то не туда. - Какой может быть фронт в семьдесят втором году! - Нина, - сказал я. - Какой сейчас год?

- Сорок второй, - сказала Нина.

И я уже складывал в голове ломтики несообразностей в ее словах. Она не знает кинотеатра «Россия». И телефон у нее только из шести номеров. И затемнение...

- Ты не ошибаешься? - спросил я.

- Нет, - сказала Нина.

Она верила в то, что говорила. Может, она, сорокалетняя женщина, заболела еще тогда, и ей кажется, что она осталась там, где война?

- Послушайте, - сказал я спокойно. Не вешать же трубку. - Сегодня двадцать третье декабря 1972 года. Война кончилась двадцать семь лет назад. Вы это знаете?

- Нет, - сказала Нина.

- Вы знаете это. Сейчас двенадцатый час... Ну как вам объяснить?

- Ладно, - сказала Нина покорно. - Я тоже знаю, что вы не привезете мне курицу. Мне надо было догадаться, что французских куриц не бывает.

- Почему? - Во Франции немцы.

- Во Франции давным-давно нет никаких немцев. Только если туристы. Но немецкие туристы бывают и у нас.

- Как так? Кто их пускает?

- А почему не пускать?

- Вы не вздумайте сказать, что фрицы нас победят! Вы, наверно, просто вредитель или шпион?

- Нет, я работаю в СЭВе, Совете Экономической Взаимопомощи. Занимаюсь венграми.

- Вот и опять врете! В Венгрии фашисты.

- Венгры давным-давно прогнали своих фашистов. Венгрия - социалистическая республика.

- Ой, а я уж боялась, что вы и в самом деле вредитель. А вы все-таки все выдумываете. Нет, не возражайте. Вы лучше расскажите мне, как будет потом. Придумайте что хотите, только чтобы было хорошо. Пожалуйста. И извините меня, что я так с вами грубо разговаривала. Я просто не поняла.

И я не стал больше спорить. Как объяснить это? Я опять представил себе, как сижу в этом самом сорок втором году, как не хочется узнать, когда наши возьмут Берлин и повесят Гитлера. И еще узнать, где я потерял хлебную карточку за октябрь. И сказал:

- Мы победим фашистов 9 мая 1945 года.

- Не может быть! Очень долго ждать.

- Слушай, Нина, и не перебивай. Я знаю лучше. И Берлин мы возьмем второго мая. Даже будет такая медаль - «За взятие Берлина». А Гитлер покончит с собой. Он примет яд. И даст его Еве Браун. А потом эсэсовцы вынесут его тело во двор имперской канцелярии, и обольют бензином, и сожгут.

Я рассказывал это не Нине. Я рассказывал это себе. И я послушно повторял факты, если Нина не верила или не понимала сразу, возвращался, когда она просила пояснить что-нибудь, и чуть было не потерял вновь ее доверия, когда сказал, что Сталин умрет. Но я потом вернул ее веру, поведав о Юрии Гагарине и о новом Арбате. И даже насмешил Нину, рассказав о том, что женщины будут носить брюки-клеш и совсем короткие юбки. И даже вспомнил, когда наши перейдут границу с Пруссией. Я потерял чувство реальности. И я сказал, уже потом, когда Нина устала слушать, то, что полагала хорошей сказкой:

- Ты знаешь Петровку?

- Знаю, - сказала Нина. - А ее не переименоуют?

- Нет. Так вот...

Я рассказал, как войти во двор под арку и где в глубине двора есть подвал, закрытый решеткой. И если это октябрь сорок второго года, середина месяца, то в подвале, вернее всего лежит хлебная карточка. Мы там, во дворе, играли в футбол, и я эту карточку потерял.

- Какой ужас! - сказала Нина. - Я бы этого не пережила. Надо сейчас же ее отыскать. Сделайте это.

Она тоже вошла во вкус игры, и где-то реальность ушла, и уже ни она, ни я не понимали, в каком году мы находимся, - мы были вне времен, ближе к ее сорок второму году.

- Я не могу найти карточку, - сказал я. - Прошло много лет. Но если сможешь, зайди туда, подвал должен быть открыт. В крайнем случае, скажешь, что карточку обронила ты.

И в этот момент нас разъединили.

Нины не было. Что-то затрещало в трубке. Женский голос сказал:

- Это 148-18-15? Вас вызывает Орджоникидзе.

- Вы ошиблись номером, - сказал я.

- Извините, - сказал женский голос равнодушно.

И были короткие гудки. Я сразу же набрал снова Нинин номер. Мне нужно было извиниться.

- Да, - сказал голос Нины. Другой Нины.

- Это вы? - спросил я.

- А, это ты, Вадим? Что тебе не спиться?

- Извини, - сказал я. - Мне другая Нина нужна.

- Что?

Теперь звонить бесполезно. Звонок из Орджоникидзе все вернул на свои места. А какой у нее настоящий телефон? Арбат - три, нет, Арбат - один - тридцать два - тридцать... Нет, сорок...

Взрослая Нина позвонила мне сама.

- Я весь вечер сидела дома, - сказала она. - Думала, ты позвонишь, объяснишь, почему ты вчера так себя вел. Но ты, видно, совсем сошел с ума.

...Самое интересное, что у этой странной истории был не менее странный конец. На следующий день утром я поехал к маме. И сказал, что разберу антресоли. Я три года обещал это сделать, а тут приехал сам. Я знаю, что мама ничего не выкидывает. Из того, что, как ей кажется, может пригодиться. Я копался часа полтора в старых журналах, учебниках, разрозненных томах приложений к «Ниве». Книги были не пыльными, но пахли старой, теплой пылью. Наконец я отыскал телефонную книгу за 1950 год. Книга распухла от вложенных в нее записок и заложённых бумажками страниц, углы которых были обтрепаны и замусолены. Книга было настолько знакома, что казалось странным, как я мог ее забыть, - если бы не разговор с Ниной, так бы никогда и не вспомнил о ее существовании. И стало чуть стыдно, как перед честно отслужившим костюмом, который отдают старьевщику на верную смерть.

Четыре первые цифры известны. Г-1-32... И еще я знал, что телефон, если никто из нас не притворялся, если надо мной не подшутили, стоял в переулке Сивцев Вражек, в доме 15/25. Никаких шансов найти тот телефон не было. Я уселся с книгой в коридоре, вытащив из ванной табуретку. Мама ничего не поняла, улыбнулась только проходя мимо, и сказала:

- Ты всегда так. Начнешь разбирать книги, зачитаешься через десять минут. И уборке конец.

Она не заметила, что я читаю телефонную книгу. Я нашел этот телефон. Двадцать лет назад он стоял в той же квартире, что и в сорок втором году. И записан был на Фролову К.Г.

Согласен, я занимался чепухой. Искал то, чего и быть не могло. Но вполне допускаю, что процентов десять вполне нормальных людей, окажись они на моем месте, делали бы то же самое. И я поехал на Сивцев Вражек.

Новые жильцы в квартире не знали, куда уехали Фроловы. Да и жала ли они здесь? Но мне повезло в домоуправлении. Старенькая бухгалтерша помнила Фроловых, с ее помощью я узнал все, что требовалось, через адресный стол.

Уже стемнело. По новому району, среди одинаковых панельных башен гуляла поземка. В стандартном двухэтажном магазине продавали французских кур в покрытых инеем прозрачных пакетах. У меня появился соблазн купить курицу и принести ее, как обещал, хоть и с двадцатилетнем опозданием. Но я хорошо сделал, что не купил ее. В квартире никого не было. И по тому, как гулко разносился звонок, мне показалось, что здесь люди не живут. Уехали.

Я хотел было уйти, но потом, раз уж забрался так далеко, позвонил в дверь рядом.

- Скажите, Фролова Нина Сергеевна - ваша соседка?

Парень в майке, с дымящимся паяльником в руке ответил равнодушно:

- Они уехали.

- Куда?

- Месяц как уехали на Север. До весны не вернуться. И Нина Сергеевна, и муж ее.

Я извинился, начал спускаться по лестнице. И думал, что в Москве, вполне вероятно, живет не одна Нина Сергеевна Фролова.

И тут дверь сзади снова растворилась.

- Погодите, - сказал тот же парень. - Мать что-то сказать хочет.

Мать его тут же появилась в дверях, запахивая халат.

- А вы кем ей будете?

- Так просто, - сказал я. - Знакомый.

- Не Вадим Николаевич?

- Вадим Николаевич.

- Ну вот, - обрадовалась женщина, - чуть было вас не упустила. Она бы мне никогда этого не простила. Нина так и сказала: не прощу. И записку на дверь приколотла. Только записку, наверно, ребята сорвали. Месяц уже прошел. Она сказала, что вы в декабре придете. И даже сказала, что постарается вернуться, но далеко-то как...

Женщина стояла в дверях, глядела на меня, словно ждала, что я сейчас открою какую-то тайну, расскажу ей о неудачной любви. Наверное, она и Нину пытала: кто он тебе? И Нина тоже сказала ей: «Просто знакомый».

Женщина выдержала паузу, достала письмо из кармана халата.

«Дорогой Вадим Николаевич!

Я, конечно, знаю, что вы не придете. Да и как можно верить детским мечтам, которые и себе уже кажутся только мечтами. Но ведь хлебная карточка была в том самом подвале, о котором вы успели мне сказать...»

1.2. Прочитайте стихотворение В. Шефнера «Фантастика». Дайте целостный анализ стихотворения, ответив при этом на вопрос: какие возможности фантастика открывает перед писателем или поэтом? Рекомендуемый объем – 400-450 слов Максимальный балл – 70.

Как здесь холодно вечером, в этом безлюдном саду,
У квадратных сугробов так холодно здесь и бездомно.
В дом, которого нет, по ступеням прозрачным взойду
И в незримую дверь постучусь осторожно и скромно.

На пиру невидимок стеклянно звучат голоса,
И ночной разговор убедительно ясен и грустен.
— Я на миг, я на миг, я погреться на четверть часа.
— Ты навек, ты навек, мы тебя никуда не отпустим.

— Ты все снился себе, а теперь ты к нам заживо взят.
Ты навеки проснулся за прочной стеною забвенья.
Ты уже на снежинки, на дымные кольца разьят,
Ты в земных зеркалах не найдешь своего отраженья.

ЗАДАНИЕ 2.

Прочитайте небольшую статью.

***Вечные образы** - это литературные персонажи, получившие многократное воплощение в литературе разных стран и эпох, ставшие «сверхтипами»: Дон Жуан, Гамлет, Дон Кихот, Фауст и др. К ним относят также библейские, мифологические и легендарные персонажи (Прометей, Каин). Нередко в число вечных образов включают и тех персонажей, чьи имена стали нарицательными: Хлестаков, Плюшкин, Манилов.*

Существуют и национальные варианты, обобщающие национальный тип: в Кармен видят прежде всего Испанию, а в бравом солдате Швейке - Чехию.

Использование литературных вечных образов предполагает воссоздание традиционной сюжетной ситуации и наделение персонажа присущими исходному образу чертами. Эти параллели могут быть прямыми или скрытыми. Тургенев в «Степном короле Лире» (1870) следует канве шекспировской трагедии, в то время как Н.С. Лесков в «Леди Макбет Мценского уезда» (1865) предпочитает менее явные аналогии. Отсылка к вечным образам может быть непрямой: они не обязательно должны быть названы автором, связь образов должна быть установлена самим читателем.

Подумайте:

- в каком случае герой произведения становится «вечным образом»?
- можете ли Вы дополнить данный в статье список таких героев?
- охарактеризуйте подробнее один из «вечных образов»: когда он появился в литературе, какие черты для него характерны, почему стал «сверхтипом»?
- вспомните героев русской (или зарубежной литературы), которых можно отнести к персонажам, в которых есть отсылка к данному «вечному образу» (например, в русской литературе есть Дон Жуан А. Пушкина, А. Блока, Н. Гумилева, есть ряд героев, в которых есть черты Дон Жуана) и покажите, почему их можно отнести этому сверхтипу, есть ли отличия от него.

Напишите эссе на 250-450 слов о выбранном Вами «вечном образе». В эссе рассмотрите указанные выше вопросы. Дайте эссе название. Максимальный балл – 25.